

— Ты снова грустный? — спросило отродье на следующий день, когда они ужинали.

Курама чистил груши. Отродье сидело на кухонной стойке и стучало пятками по расположенным внизу шкафчикам, время от времени крадя малину из тарелки с фруктами, когда думало, что Курама не смотрит. Складки на его футболке всегда его выдавали.

— Нет, — ответил Курама.

— Ты точно уверен? Точно-точно? — он мог почувствовать, как отродье с сомнением куксится, даже не видя самой картинки. Стук-стук-стук. Ритм ударов пятками по шкафчикам сменился. — Но ты снова кажешься грустным! Ты с самого утра тихий! И хмурый, и тихий. То есть, грустный.

"Грустный" было словом, которое наводило на мысли о четырёхлетних детях, покрытых соплями и слезами из-за упавшего торта, об отродье после какого-то очередного вышедшего трагического фильма про животных — с дрожащей губой и мужественно пытающееся не заплакать. Это была эмоция из детского набора слов, которая подходила для столь детской эмоциональной простоты. Курама чувствовал много вещей за множество лет, но последний раз, когда он чувствовал грусть, и столь чистую, был — Отец, наверное. Эти грустные дни были как капля в зарождающемся шторме эмоций — ярости, обиды, едкости, возмущения.

Но сегодня Курама не чувствовал ничего из этого.

— Я не грустный, — сказал он отродью своим "не говори глупостей" тоном. Он разрезал грушу на кубики размером на один укус и закинул их в тарелку.

Нет, Курама просто принял решение.

Новейший блестяще-бомбочковый проект отродья был разложен на столе в гостиной. Курама смахнул розовые и серебряные пакеты, чтобы освободить место под свою фруктовую тарелку, но это не избавило его от случайных блёсток, липнувших ко всему подряд и весело поблёскивающих. Он окончательно сдался, когда отродье плюхнулось за стол и снова потянулось к пакетам. С вооружением из рулонов бумажных полотенец, ножниц и степлера сегодняшний десерт, похоже, заодно будет и временем для подготовки розыгрышей.

Отродье закинуло грушевый кубик в рот и принялось рассказывать свой новейший замысел.

— Как ты знаешь, я и Киба, мы думали о том, чтобы устроить кое-что для Киса-сенсея. Он дважды поспорил, что мы не сможем это проделать, так что мы думали о том, чтобы сбросить эти и пакеты с краской в его душ. Киба знает, где он живёт, и мы уговорили Шику помочь нам

с планом...

Курама наблюдал, полуприкрыв глаза, как отродье осторожно связало два конца верёвки узлом. Блёстки были в волосах отродья и на одной из щёк.

— ...потребовалась вечность, чтобы он согласился, но он сказал, что нам нужно будет проверить, есть ли ловушки на окне, потому что сенсей — чунин...

Его пальцы были быстры. Блёстки разлетелись и обсыпали колено Курамы. Вот чем сейчас было отродье — какая-то смехотворная, переполненная энергией жужжалка, идиот, который собирал вещи из блёсток, краски, скоб и ниток. Оно слишком много говорило. Оно слишком громко говорило.

— ...и мы собирались пригласить Саске, но Итачи в этот день забирает его на тренировку, и, кстати, ты знал, что день рождения Саске на следующей неделе? Знал? Он пригласил меня на празднование!

Вот чем сейчас было отродье — идиот, который думал, что рамен, Курама и дружба были всем, что нужно было, чтобы исправить все болячки в мире. Он думал, что дружбы были обещаниями, а обещания — дружбами. Он думал, что и то и другое было неразруσιμο.

— ...Как ты думаешь, может мы устроим празднование дня рождения в этом году? Я имею в виду, да, да, фестиваль в честь Героя в тот же день, но это будет лучше, чем фестиваль Героя! Или... мы можем устроить его на выходных перед этим? Мы пригласим всех! Даже ведьму-Ино, потому что она тебе нравится...

Если бы этим оно и осталось, просто этим снимком прямо отсюда и сейчас, тогда, пожалуй, всё было бы в порядке, если бы Курама не убил его.

— Мы достанем лучший торт...

Но это так не работало — люди вырастали, их детство распускалось, словно шёлковые коконы, на нити. Дети-ниндзя вырастали и становились взрослыми, с ниншу, превращённым в проклятое Отцом оружие, под своей кожей, с кровью земли под своим ногтями, сломленные и винящие мир в своей собственной отраве. Сейчас отродье делало вещи из блёсток и думало, что дружба была неразрусима. Когда-то давным-давно Намиказе и Узумаки Кушина тоже были детьми. Ну конечно, блять, они были. И посмотрите, чем это закончилось.

Так что это было лучше, это было милосердие. Потому что, если Курама не мог заморозить его в этом мгновении, тогда он мог, пожалуй, хотя бы сохранить эти воспоминания, когда вся грусть, которую отродье ведало, была о детских мелочах, когда глупейшее, малейшее чудо делало его столь радостным, что оно вспыхивало.

— Он будет лучше, чем торт Саске, я уверен, особенно с учетом того, что нас тут двое...

Курама думал, что он, возможно, любил его. Но этого было недостаточно. Он страдал и злился слишком долго для этого. Отродье не знало, чем он был, и никогда не должно было узнать. У Курамы были долги, которые ему нужно было заплатить.

— ...Рама, сможешь мне выбрать подарок? Я знаю, что это для Саске, но...

Курама моргнул. Отродье глядело на него большими, блестящими голубыми глазами, которые не действовали на Кураму уже... никогда, на самом деле. Они ни на кого не действовали, за исключением, разве что, Щенка. Прокручивание последнего отрывка разговора в его голове остановило его на — ну разумеется, это были чёртовы Учихи. Он бросил взгляд на потолок.

Ну, всё равно это скоро не будет иметь значения.

— Ладно, так, — согласился он, наклоняясь вперёд, пряча нотку неприязни в своем голосе. — Сделай список. Я помогу его сократить.

Отродье сделало победный удар кулаком в воздух, одновременно восклицая что-то, похожее на "о, да".

Курама, пожалуй, задолжал ему помочь собирать эти моменты простых радостей, наблюдать за тем, как его глаза начинают сиять.

Учихе Саске через две недели исполнится семь лет.

К тому моменту, как его восьмой день рождения наступит в следующем июле, отродья уже не будет в живых, чтобы застать его. И если всё пойдёт по плану, то никого в Конохе не будет.

Двадцать третьего июля отродье ушло из квартиры в десять утра с завернутой в подарочную обёртку книгой о продвинутых техниках с сюрикенами и сопровождающим её набором железных сюрикенов, удерживаемых подмышкой — подарок от Щенка. Он пришёл обратно в пять вечера, с гигантским пятном от глазури на футболке, улыбаясь во весь рот, словно безумец. Курама только-только завершал размышлять о чакра-подавителях, которые не, ну знаете, полностью вырубали систему чакры, пока подавляли её, что было неприятным изъясном самых сильных подавителей. Он надеялся, что это будет конец связанных с Учихами феноменов на ближайшее время.

(Это не был конец).

В субботу две недели спустя, с сыростью августа на спине Курама сидел в офисе Человека-Обезьяны, наблюдая за тем, как на него кричали.

Отродье, разумеется.

— Что значит, мы не можем пойти на ужин? Нас пригласили! Тётушка Микото нас пригласила! Я уже пошёл и спросил ведьму-Ино, какие цветы взять! Стари-и-и-и-ик!

Вопль отродья был подобен скрипу гвоздя по стеклу. Курама уже подзабыл, насколько громким отродье было в истерике. Судя по подёргиванию чакры Человека-Обезьяны — не только он.

— Наруто-кун...

— Она самая красивая, и хорошая, и я не могу быть... быть ублюдком и не придти!

Человек-Обезьяна попытался вставить свое слово и сумел проговорить ровно половину предложения:

— Наруто-кун, семья Саске-куна в данный момент имеет некоторые проблемы...

— Я пошёл к ним домой на день рождения, и всё было в порядке, это было классно, это было замечательно, почему ты говоришь, что я не могу пойти сейчас...

У Курамы было сильное предчувствие, что Человек-Обезьяна позволил отродью пойти туда и тогда по тем же причинам, что и Курама. Эта вечеринка в честь дня рожденья включала всю группу отродья и ещё других людей, не только отродье, и включала как минимум одного взрослого, который не был Учихой.

— ...Это вообще не честно, Ста... — а затем отродье замело. Его руки прекратили совершать вращательные движения в воздухе. — погоди, что значит проблемы? Тётушка Микото в беде? Это... — теперь оно, очевидно, сморщив лицо во взволнованной концентрации, ворошило свой мозг в поисках вещей, считающихся за проблемы. — Деньги? Аренда? Понос? Рак? — оно нервно уставилось на Человека-Обезьяну.

Курама хотел бы надеяться, что это был рак. Человек-Обезьяна вздохнул.

— Ничего столь срочного, Наруто-кун. Микото вполне способна позаботиться о себе. И ваш ужин не был отменён, а всего лишь перенесён. Я поговорил с Микото-кун — она сказала, что

она встретится с вами в "Лилиюшке" в шесть часов того же дня.

— Ох, — сказала отродье, на мгновение успокоенное этой новой информацией. Ему потребовалось немного времени, чтобы вспомнить свой изначальный протест; его губа снова обиженно надулась. — Но почему мы не можем пойти к ним домой? У Саске замечательный дом. Там есть пруд и река поблизости, и все арбузы, которые мы сможем съесть.

Человек-Обезьяна сказал:

— Лучше было бы... не тревожить клан Учиха в данный момент.

Отродье, нахмурившись, скрестило руки на груди.

— И что это значит?

Звучало так, словно оно прекрасно знало, что это значило, и ждало, пока кто-нибудь осмелится сказать это ему в лицо.

Хокаге посмотрел на него. Курама посмотрел на него краем глаза. Скрытность и... какое-то странное новое развитие. Такт? Больше ума, чем у ящика с камнями? Курама не был уверен, что это ему сильно нравилось. Отродье, развивающее навыки логического мышления, не было частью его планов, хотя то, сколько прозорливости отродье действительно могло развить за семь месяцев, было другим вопросом.

— Это значит... именно то, что ты думаешь, — Курама сказал с ложкой супа во рту, продолжая косить глаза.

Испепеляющий взгляд отродья изменил цель. Его гневная беличья гримаса скривилась каким-то образом в ещё более гневную беличью гримасу, которая устрасила Кураму ровно нисколечко — дилетант. После нескольких неэффективных секунд отродье перенаправило свой взгляд обратно на Человека-Обезьяну.

Тот пил свой чай.

Отродье заметно пало духом. Его ботинок стукнул о ножку стула Курамы.

— Значит... если мы едим снаружи, проблема исчезает? Потому что мы не тревожим родственников Саске? — спросило отродье с некоторым сомнением.

Проблема была более или менее противоположной.

— Как-то так, — согласился Человек-Обезьяна. — Наруто, Микото-кун будет сильно занята в ближайшем будущем, — добавил он более мягким тоном. — Даже вне квартала... было бы лучше всего не трогать её какое-то время.

Теперь Курама скосил глаза на него.

Человек-Обезьяна был в полном порядке с последней печальной дюжиной встреч с Учихой Микото за ужином вне кланового квартала. Чего он пытался добиться теперь? И его фраза указывала на то, что Учиха Микото найдёт присутствие отродья докучливым, что было глупо, потому что, скажем так, Учиха Микото настолько же заботилась об отроде, насколько оно было в восторге от неё. Она была, к несчастью, его крёстной матерью.

Смотрите, Курама с радостью бы избавился от Учихи Микото, но две сотни выкинутых коробок с обедом спустя он ясно осознал, что обратное было неправдой.

Отродье тоже с подозрением прищурило глаза. Разумеется, это был другой тип подозрения.

— Старик... Ты уверен, что это не понос? — обвинительно спросило отродье. — Всё в порядке! Тётушка всё равно лучше всех, и я очень-очень её люблю, даже если её какашки странного цвета!

— ...Нет, Наруто, — сказал Человек-Обезьяна.

Отродье проигнорировало его и продолжило нестись по ходу своей новой мысли:

— Я принесу горькое лекарство, которое есть у Пса, которое реально помогает от болей в животе, и много-много чая...

— Наруто.

— И ужин! Суп на ужин! Потому что это то, что надо давать больным людям. У меня есть опыт. Рама болеет постоянно, вот постоянно.

— Я знаю, Наруто-кун.

— Конечно, так как это его мама, Саске может...

— Наруто-кун, — выделил Человек-Обезьяна, и каким-то небольшим чудом отродье заткнулось. Взгляд Курамы дёрнулся. Человек-Обезьяна нечасто использовал этот тон на отроде. — Это из-за внутренних дел клана, — в его словах слышалась окончательность. — Ей нужно время, чтобы с ними разобраться.

На лице отродья показалось несколько бунтарское выражение.

— Но я всё равно смогу с ней видаться, верно?

— Было бы лучше, если бы ты не встречался с ней, пока всё не уляжется. Но тебе нужно будет спросить Микото-кун, — переложил ответственность Человек-Обезьяна.

— Я спрошу, — решительно сказала отродье.

Вот насколько он не заботился о иерархии Конохи, Курама знал основы того, как она работала. Если Человек-Обезьяна не хотел видеть Учиху Микото рядом с отродьем, всё, что ему было нужно, это приказать ей. Но разумеется, это была проблема Учихи и Микото — всегда Учихи. Если Человек-Обезьяна хотел убрать отродье подальше от Учихи Микото, это было бы большим препятствием.

И отсюда следовал... весь этот диалог с внушениями.

Курама пожевал свою ложку. Он продолжал бросать краем глаза взгляды на Человека-Обезьяну.

Здесь была зияющая непоследовательность.

Что-то поменялось.

Вечером того самого дня они ждали у входа в назначенный ресторан в пять часов тридцать минут; отродье держало под мышкой маленький букет, который оно купило по пути в цветочном магазине Яманака. Он был ослепляюще фиолетового цвета — гортензии, шипастый кермек и маленькие цветы розово-голубых незабудок. Отродье поглядывало на часы и нетерпеливо переминалось с ноги на ногу. Оно делало так каждый раз, неважно на сколько ужинов с Учихой Микото оно ходило.

— Пять сорок пять, пять сорок шесть, — пробормотало оно, и Курама почувствовал, как похожая на завиток дыма чакра появляется в зоне досягаемости его чувств. Он выпрямился.

Чакра перевернулась.

Отродье замерло, моргнуло и улыбнулось во весь рот.

— Тётушка Микото! Саске! Итачи-сан!

Учиха Микото была одета в летнюю юкату, покрытую узором из белых и красных хризантем, и белое оби. Мелкий Учиха и Дым-и-Зеркала были в обычных футболках с высокими воротами и тёмных штанах их клана. Отродье помахало рукой. Потом оно, видимо, вспомнило, что именно оно несло.

— Вот! — оно протянуло букет, а потом, по сути... покраснело. Курама притворился, что этой сцены никогда не происходило. — Это должен был быть. Эм. Подарок для дома! Но потом Старик сказал, что мы не будем там есть, но я уже его заказал, так что... вот?

Учиха Микото улыбнулась.

— Спасибо, это было очень мило с твоей стороны, Наруто-кун, — она взяла его, изучила, а затем осторожно убрала в рукав своей юкаты.

Отродье потёрло заднюю часть своей шеи.

— Без проблем!

Мелкий Учиха скорчил рожу. Отродье перенаправило своё внимание, чтобы скорчить рожу в ответ.

Оно не подняло эту тему, пока они не оказались в ресторане, и звук разговоров приглушал отродьев почти нерешительный голос:

— Эй, тётушка. Ты же в порядке, да? — отродье смотрело на неё снизу вверх огромными глазами, и Учиха Микото посмотрела на него в ответ. — Потому что Старик сказал, что дело было не в поносе или чём-то таком, и вы, ребята, богачи, так что дело не может быть в деньгах, и я не знаю, какие ещё проблемы бывают у взрослых, но даже если это понос, я просто могу дать...

Что-то резкое и уродливое пронеслось рябью по её чакре — лишь секундная трещина в этом океане спокойствия — прежде чем Учиха Микото рассмеялась, её плечи задрожали, звенящий звук потёк из её рта. Отродье по-свиному моргнуло. Убрав выбившуюся прядь волос за ухо, она улыбнулась ему.

— Я полностью здорова, Наруто-кун, тебе не нужно об этом волноваться.

— О... Правда? Здорово?

— У моей мамы не будет поноса, — сказал мелкий Учиха с полным страха отвращением в

голосе, и посмотрел на отродье "как-ты-вообще-мог-такое-подумать" взглядом.

— Но Старик Сказал...

Рука опустилась между лопаток отродья, и другая — мелкого Учихи. Учиха Микото посмотрела на Кураму хитрым взглядом — одна бровь приподнята, рот искривлён в улыбке — и Курама не имел ни малейшего понятия, что это значило. Слегка осуждающе, она сказала:

— Сейчас время ужинать, вы двое, никаких разговоров о болезнях не должно быть за столом. Пойдёмте, Итачи-чан уже должен был приготовить наши зарезервированные места.

Отродье неуверенно посмотрело на неё.

— Он сказал...

— Позже, Наруто-кун.

"Позже" оказалось после ужина, который — ну, Курама мог обвинить Учих во многих вещах, но скрягами они не были. Они заказали огромные тарелки лапши и широкий выбор закусок, достаточно аммицу для Курамы и Дыма-и-Зеркал и какой-то рисовый пирог, поданный в маленьких позолоченных горшочках. У них заняло полтора часа, чтобы всё съесть (остатков не было, потому что желудок отродья был настоящей чёрной дырой). К тому моменту небо снаружи потемнело в пыльный сиренево-золотой летних вечеров.

У дверей ресторана Учиха Микото обратилась к своему старшему сыну и сказала:

— Отведёшь Саске домой вместо меня, Итачи-чан? Я провожу Наруто-куна и Менму-куна до их квартиры.

Дым-и-Зеркала замер. Его чакра замерла.

Курама наклонил голову набок.

— Матушка, — медленно произнёс он.

— Никто не собирается наброситься на твою маму, — сказала она полу-шутя, но в её глазах было что-то резкое. — Ты можешь проверить, как я, позже, если ты так волнуешься.

"Клановые неприятности", сказал Человек-Обезьяна. Курама почувствовал, как его глаза сужаются без его ясного разрешения. Клановые неприятности.

— ...Хорошо.

Мелкий Учиха перевёл взгляд со своей матери на Дым-и-Зеркала и обратно. Он повернулся к отродью.

— Если кто-то набросится на маму, укуси ублюдка.

— Я пну его по яйцам, — подтвердило отродье.

Позабавленная улыбка искривила губы Учихи Микото.

А потом, с хлопком чакры и шуншином, Дым-и-Зеркала и мелкий Учиха исчезли.

Тёплый воздух пронёсся по волосам Курамы. Ночь была сырой — как и все летние ночи в Конохе. Уличные лампы только начали светиться в приближающейся темноте.

— Пойдём? — спросила Учиха Микото.

— Ваши родители гордились бы вами двумя.

Они свернули с пути в сторону небольшого парка меньше чем в десяти минутах ходьбы от квартиры Курамы — с каменными скамейками, только-только отцветшим кизилом, — покрытого высокой травой и усыпанного жёлтыми одуванчиками. Отродье сидело на скамейке рядом с Учихой Микото. Скрестив ноги на траве, Курама срывал одуванчики и сплетал их в цепочки вызубренными наизусть движениями — вот что случается, когда ты проводишь достаточно времени поблизости от Яманаки.

Он замер посреди очередной цепочки. Отродье спросило:

— Родители?

Курама позволил отклонение от маршрута, потому что он ожидал, что здесь будет пролит свет на ситуацию с Учихами, касательно которой Человек-Обезьяна намеренно строил из себя идиота. Очевидно, это было просчётом. Он подумал, быстро, но без паники, если он стукнет её цепочкой из одуванчиков...

— У меня самой есть Итачи-чан и Саске, — сказала она. — Это сразу видно. Кем бы они ни были, они бы очень гордились вами.

Ложная тревога. Упс. Она по-прежнему следовала закону Человека-Обезьяны.

— Особенно ваша мать.

Курама повернулся. В парке были установлены уличные фонари. Они и светлячки вместе создавали бледно-янтарное сияние на каждом раскинувшемся клочке травы и покрывали слоем позолоты глаза и волосы Микото.

Что-то тёмное и мягкое мерцало в её взгляде, что-то в изгибе её рта, что-то распутывающееся в её чакре. Словно дрожь, Курама мог почти попробовать на вкус Шаринган за чёрным её глаз, но они продолжали оставаться прежними — чёрными, не красными. Чакра Учихи Микото распрямлялась, словно пружина, и пела знакомую песнь — нечто мрачное, горькое, яростное, гневное и совсем непохожее на выражение её лица, смотрящее на отродье и Кураму сквозь вуаль чёрных волос, облегающих голову капюшоном, жгучих и мягких.

Курама посмотрел на неё и почти засмеялся, потому что ему была знакома эта смесь эмоций. О, она была в гнев, о, она хотела раздавить что-то под каблуками, втоптать в землю. Это было не отродье. Она была в гнев за отродье.

Учиха Микото моргнула и волна упала.

Эмоции схлынули, гладь океана стала ровной, как стекло. Она подняла голову и улыбнулась — всё снова спрятано — и взяла свисающую цепочку цветов из пальцев Курамы.

— Вы знали, — сказала она притихшему отродью, Кураме, чьё внимание было предельно сфокусировано. — Когда-то давным-давно у Мудреца Шести Путей было два сына?

Вы знали, что когда-то давным-давно у старого Мудреца было одиннадцать детей?

— Это тот парень, который сделал ниндзя, верно?

И он был основателем ниншу, отцом Цикла.

— Да, он был первоисточником чакры. Его сыновей звали Индра и Ашура. Клан Учиха — потомки Индры, а Сенджу и Узумаки — Ашуры, — она убрала прядь волос за ухо и улыбнулась, глядя на круглые, как тарелки, глаза отродья. — Знаешь, что это значит, Наруто-кун?

— Мы — родственники Мудреца Шести Путей?

Она рассмеялась.

— Далёкие, но да. И это значит, что вы и я, Наруто-кун, Менма-кун, даже если мы разделены двумя тысячами лет наследия, мы всё равно почти семья, не так ли?

— Это... — сказала отродье. — Ага.

Она с улыбкой щёлкнула его по носу.

— Так что если кто-то пытается доставить тебе неприятности, Наруто-кун, обращайся к тётушке Микото. Она надерёт их задницы.

Это наконец-то выдернуло отродье из его шокированного состояния.

— Тётушка! Это плохое слово!

— Тётушка может говорить столько плохих слов, сколько ей захочется, Наруто-кун.

— Нет не может. Ты... Ты, — он надулся, скрестив руки на груди. — И тебе не нужно надирать их задницы. Я надеру их задницы!

— Как полноценный джонин, тётушка, наверное, немного лучше в этом чем ты, м-м?

— Нет! Если кто-то попытается что-то странное или мерзкое, или отстойное, я надеру их задницы! А ты леди, и лучше всех, так что тебе не нужно надирать их задницы, даже если ты очень-очень в этом хороша. Поэтому я вырасту и буду супер-классным ниндзя! Так что я смогу надрать задницу всем, кто странно посмотрит на меня, Раму или тебя! — он посмотрел на неё, упрямо выпятив подбородок. — Ладно?

Учиха Микото откинула голову назад и засмеялась.

Отродье моргнуло.

— Э... Тётушка?

— Это... — её хохот тряс её плечи, слишком громкий для её стройной фигуры, и Курама посмотрел на неё, чувствуя, как её чakra расцветает вновь, полная преданности и удивлённой радости в равной степени. Она научилась всем своим самым громким эмоциям от Кушины. — Это достойная цель, Наруто-кун.

— Ага!

Она протёрла глаза тыльной стороной ладони, улыбаясь во весь рот.

— Крайне достойная.

Отродье, гордое собой, улыбнулось в ответ.

— Так что, когда Старик сказал — ну, я не могу драться с микробами, но это же не понос, верно? Если кто-то причиняет тебе проблемы, я точно могу их прогнать.

— Хм-м, — её тон был задумчивым. Курама почувствовал, как веселье утекает из её чакры, словно упоминание Человека-Обезьяны было нежеланным напоминанием. Её голос был по-прежнему непринуждённым. — ...Что именно сказал Хокаге-сама, Наруто-кун?

— Эм, — оно глянуло на Микото. — Он сказал, что у тебя были проблемы в клане. И что мы не должны тебя беспокоить.

— Вы никогда не будете для меня беспокойством, Наруто-кун.

Отродье покраснело.

Она медленно продолжила:

— Но Хокаге-сама... был отчасти прав касательно всего остального. Мой клан в данный момент испытывает трудности, и я...

— Ты будешь слишком занята, чтобы видеться с нами? — выпалило отродье.

— Я нужна другим людям. Но — нет, надеюсь, что нет. И даже если так, это будет только ненадолго, Наруто-кун, не надо корчить такое лицо. Я по-прежнему буду делать обеды для вас двоих, не волнуйтесь, — она приподняла бровь, глядя на Кураму. — Я надеюсь, что однажды ты всё-таки съешь эти бенто, Менма-кун.

— Не проси слишком многого, — сказал Курама.

— ...Ты будешь продолжать делать их вечно? — спросило отродье.

Она потрепала его по волосам.

— Если хочешь, Наруто-кун.

Она проводила их до квартиры. Отродье излучало эмоции, словно перегруженный генератор — хаотичные, постоянные и подавляющие, радость, нервозность, и снова радость и больше радости, снова и снова. Оно проревело: "ДО ВСТРЕЧИ, ТЁТУШКА!", и махало, и махало ей вслед, пока она не превратилась в точку на далёкой улице, а потом всё равно продолжило махать. Его глаза сияли, когда оно обернулось к Кураме — тонкий слой воды поверх голубого. Оно улыбнулось во весь рот, потёрло глаза тыльной стороной ладони, издало радостный возглас и закружило Кураму в объятьях, пока Курама не пнул его и не оторвал от себя его руки.

— Рама! — прокричало отродье и попыталось снова.

Оно потратило всю ночь, издавая неразборчивые возгласы чистого счастья, ворочаясь на кровати и вспоминая вечер.

Курама напомнил себе, что отродью было шесть, раздражать было просто частью его натуры, и это было, во всех смыслах, важно для него. Это немного помогло. Неделю назад шёл июнь, а теперь был уже август — поворот человеческих месяцев и дат. Скоро будут сентябрь, октябрь, январь и март. Сколько месяцев? Восемь. Восемь месяцев.

Осталось только восемь месяцев.

Курама задолжал их отродью.

— И она сказала — Рама, она сказала "вечно". И она сказала, что я никогда не буду для неё беспокойством. А ещё она сказала дос-той-ный. Рама, что значит "достойный"? Что это значит?

Исключения ради, Курама внимательно слушал несвязные речи отродья.

— Уважаемый, — сказал он, цокая языком и ища подходящие определения. Крайне мало людей Курама уважал. Его отец, разумеется. Чомей и Мататаби. Несколько странствующих жрецов, несколько людей с мечтами и безумными, прекрасными идеями и руками строителей. — Имеющий ценность. Имеющий значимость.

— Это то, что она сказала! — выдохнуло отродье. — Я достойный!

Он снова перевернулся и глупо заулыбался.

— А ещё она сказала — она сказала. Эта штука с Мудрецом и кланами. Она сказала... — его голос стал тише, словно речь шла о каком-то великом чуде, о чём-то драгоценном. — Мы — семья.

А, да. Учиха, Сенджу и Узумаки, словно они не потратили тысячу лет, рвя друг друга на части. Но смысл был не в этом, конечно. Смысл был в том, что Учиха Микото пыталась удержать.

— М-м.

— Она сказала, — повторило отродье, а потом не завершило предложение, потому что прервало само себя радостным возгласом.

(Часы спустя, глубокой ночью оно всё так же не будет спать, утопив лицо в плечи Курамы и держась за него руками удушающей хваткой, повторяя слова "Она сказала, что мы — семья", но его голос будет изломан дрожью слёз, и футболка Курамы будет влажной и покрытой соплями, и он будет чувствовать давление широкой улыбки отродья, шепчущего одними губами: "Она сказала, что мы — семья". Отродье было поймано в буре между двумя подавляющими эмоциями: грустью и радостью. Они были всепоглощающими, всеохватывающими и слишком простыми для слов. Они выглядели подходящими для ребёнка.

И Курама закрывает глаза и подумает: если бы он мог заморозить отродье в этот моменте...

Он не мог, разумеется.

Было восемь месяцев до марта).

Учиха Микото сказала: "Мудрец Шести Путей изобрёл ниндзюцу".

Ооцуцуки Хагоромо не изобрёл ниндзюцу. Хагоромо изобрёл ниншу.

Вот то, чему Отец научил детей: как омыwać руки в реках и озёрах и узнавать баланс их минералов. Как уговорить рис на плантациях расти высоким и сильным. Как вырезать из камня храмы неба и земли, скрепляя мрамор лишь чакрой, без всякого цемента. Убийство — грех, но убийство так же и часть круговорота жизни. Убивай быстро, чисто, не показывая неуважения. Дай своё имя. Все вещи пришли из земли и великого потока; все вещи родны в своей душе. Убивай только ради еды, и только если должен, и ни по какой другой причине. Нет других причин, почему кто-то может быть должен.

Вот то, чему они научили людей, его двое заблудших, но гениальных сына: копайте свои траншеи, почувствуйте запах горячей плоти и услышите крики земли на своих фронтах. А вы знали? В Аме двадцать пять лет будут расти только грязь и дождь. Северные леса Огня превратились в тёмные угли, а все их обитатели ушли.

Учиха Микото сказала: "У Мудреца Шести Путей было два сына".

Когда-то давным-давно у Ооцуцуки Хагоромо было одиннадцать детей, и первым девяти он передал своё наследие баланса. Хвостатым зверям не нужно было есть. Согласно религии ниншу, им не нужно было убивать. "Вы будете их путеводной звездой," — сказал Отец, потому что он надеялся, что Ашура и Индра проживут хорошие, полные жизни, но этим девятерым он передал своё наследие.

Делись и бери. Бери и делись. Просто делись — добротой. Это — цикл.

Ниндзя всегда брали и никогда не делились. У земли, воздуха, ниншу и самих себя. Они верили, что это было их правом с рождения? Чакра была привилегией.

Десятого октября Курама хотел увидеть их покрытыми своим собственным побоищем...

Делись и бери. Бери и делись, всегда делитесь, мои девять, мои дети, потому что вы можете, потому что это правильно, потому что доброта — это наш путь в лучший век...

Курама знал, как брать, он знал. Он мог забирать жизни и надежды, он преследовал людей в снах и смеялся при виде резни.

Но он знал, и как давать, и было то, что он задолжал.

Курама вооружился двумя мисками анмицу — одной в качестве извинения, другой в качестве взятки — упаковкой особенно блестящих гелевых ручек, и кулинарной книгой с рецептами западно-водных сладостей. Потом он отследил подходящий транспорт, забрался на спину Щенка, и преодолел получасовую прогулку до кафе Жвачки за две минуты.

Они сидели в тени яркого зонтика за одним из уличных столиков.

— Ты, — сказала Яманака смутно угрожающим тоном. Курама закатил глаза, дал одну миску с анмицу Яманаке, другую — Жвачке, после чего положил кулинарную книгу рядом с жвачкиным локтем.

Яманака изучила анмицу взглядом.

— Ты избегал нас месяц, и это — твой знак примирения?

— Это знак примирения для Харуно. Для тебя это взятка, — ответил Курама, открывая кулинарную книгу открытой на странице с загнутым уголком, которая показывала эскимо из йогурта и фруктового пюре, и повернул её так, чтобы Жвачка могла прочитать слова. — Клубника или банан?

Яманака издала пренебрежительный звук, посмотрела на него и зарылась в свою миску желе и сладкой фасоли.

Жвачка переводила взгляд с ручек на анимицу и обратно.

— Менма-кун...

— Курама.

— Это оттуда пошло "Рама"? Вау. Дурацкое прозвище.

— Ты можешь продолжать звать меня Менмой, спасибо.

Жвачка смотрела на них удивлёнными и по-совиному распахнутыми глазами.

— Мен... Курама-кун? Эм. Тебе не нужно было...

Яманака фыркнула:

— Сакура плакала после первой недели. Да, тебе нужно было.

...Что такое было с личинками людей и плачем? Угх.

— Ино! — запротестовала Жвачка.

Курама вздохнул.

— Просто бери, Харуно. Банан или клубника?

Курама не был ничего должен Яманаке. Он не был ничего должен Щенку, Человеку-Обезьяне и Учихе Микото. Он был — что-то — должен отродью. Он был должен Жвачке торт, книги, время, и первые два долга он мог выплатить, а последний — ну, он всё ещё работал на этой "Иммигрировать в страну Чая" штукой. Она была невероятным гражданским и не имела ничего общего со всем этим, и с её способностями она должна, и вероятно покинет эту глупую Академию ниндзя, чтобы унаследовать кафе её семьи. Курама не имел ничего против владельцев кафе. Он не имел ничего против Жвачки. У неё не было никаких наследий, в

отличие от отродья.

Восемь месяцев. Её день рождения был в конце марта. Если всё пойдёт по плану...

Он был должен ей имя. Курама. Если она умрёт от его действий, он должен был ей имя.

Но сейчас было не время думать об этом.

Жвачка пожевала губу и изучила рецепт. Её волосы были аккуратно заплетены, её наушники висели на её тонкой шее.

— Клубничный банан. А ещё мама недавно купила новые формы.

Вот поэтому Жвачка ему и нравилась.

— Какие именно формы? — Жвачка перечисляла ингредиенты себе под нос. Яманака посмотрела на них, фыркнула и откинулась назад, бормоча что-то о кулинарных ботанах. — К слову, — сказал он, вспоминая. — Что шестилетние дети делают на день рождения?

<http://tl.rulate.ru/book/58665/1503036>